

Титова Анна Владимировна

"ДА! Я, КОНЕЧНО, СКАЗАЛ, ЧТО СТИХИ У ЛУЦИЛИЯ ГРУБЫ": "АЛЛЮЗИЯ НА ГОРАЦИЯ" РОЧЕСТЕРА

Данная статья посвящена анализу одной из сатир английского поэта-либертина Джона Рочестера. В ней представлен ряд литературных и биографических аллюзий, нашедших выражение в стихотворении. В работе проведена параллель между "Аллюзией на Горация" Рочестера и 10-й из первой книги сатир Горация с целью выявить сходства и различия в структуре и тематике произведений. Кроме того, анализ отношений между Джоном Рочестером, Джоном Драйденом и Томасом Шедуэллом позволяет полнее раскрыть особенности объекта критики, приведенного поэтом-либертином в стихотворении. Данное исследование позволяет полнее представить и личные, и литературные споры второй половины XVII века, оказавшие влияние на дальнейшее развитие британской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.111

Филологические науки

Данная статья посвящена анализу одной из сатир английского поэта-либертина Джона Рочестера. В ней представлен ряд литературных и биографических аллюзий, нашедших выражение в стихотворении. В работе проведена параллель между «Аллюзией на Горация» Рочестера и 10-й из первой книги сатир Горация с целью выявить сходства и различия в структуре и тематике произведений. Кроме того, анализ отношений между Джоном Рочестером, Джоном Драйденом и Томасом Шедуэллом позволяет полнее раскрыть особенности объекта критики, приведенного поэтом-либертином в стихотворении. Данное исследование позволяет полнее представить и личные, и литературные споры второй половины XVII века, оказавшие влияние на дальнейшее развитие британской культуры.

Ключевые слова и фразы: аллюзия; эпоха Реставрации; либертинизм; Джон Рочестер; Джон Драйден; Квинт Гораций Флакк; Томас Шедуэлл.

Титова Анна Владимировна

*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
titovanna@rambler.ru*

**«ДА! Я, КОНЕЧНО, СКАЗАЛ, ЧТО СТИХИ У ЛУЦИЛИЯ ГРУБЫ»:
«АЛЛЮЗИЯ НА ГОРАЦИЯ» РОЧЕСТЕРА[©]**

Во второй половине XVII века при дворе короля Карла II складывается кружок поэтов и драматургов. Его представители стали основоположниками направления либертинизма в Англии, характеризовавшегося свободой слова, мысли и нравов.

Одним из самых известных представителей данного кружка был Джон Уилмот, второй граф Рочестер (1647-1680). Он известен в России в основном по художественной биографии «Распутник: Обезьянка лорда Рочестера, или Жизнь Джона Уилмота, второго графа Рочестера», написанной известным прозаиком Грэмом Грином в 1974 году (русский перевод – 2007 год), и по фильму «Распутник» 2004 года выпуска. Но и в романе, и в фильме Рочестер изображен однобоко. Помимо блестящего образования и успешной карьеры он был представлен, прежде всего, как гуляка. За пределами обоих произведений остается поэтическое творчество писателя. В веках имя либертина останется благодаря его лирике, переводам и покровительству многим начинающим молодым и талантливым писателям. Из-за скандальности на русский язык Рочестера стали переводить в основном начиная с XXI века. Время требует более полного знакомства с творчеством поэта.

Среди протеже Джона Рочестера одно время был Джон Драйден. Тем не менее молодой писатель с приобретением известности и общественного признания его таланта отдалился от своего патрона и даже избрал в новые покровители соперника поэта-либертина, графа Малгрейва, которому посвящал хвалебные предисловия.

Разгневанный подобным поворотом событий, темпераментный Джон Уилмот пишет «Аллюзию на Горация», которая является завуалированной сатирой на бывшего подопечного и его нового патрона. Джон Драйден не остается в долгу и отвечает на критику в предисловии к пьесе «Все за любовь».

Цель статьи – проанализировать, как, имитируя сатиру древнеримского поэта на литературную тему, Рочестер изображает в «Аллюзии на Горация» современных ему стихотворцев, в частности Драйдена и Шедуэлла.

По определению И. В. Фоменко, данному в словаре актуальных терминов и понятий «Поэтика», аллюзия – это «отсылка к другому художественному тексту, историческому, бытовому, биографическому или литературному факту, хорошо известному, по мнению автора, читателю» [3, с. 18]. В эпоху Реставрации в Англии особенной популярностью пользовалась имитация как жанр. Многие поэты брали за основу классические античные образцы и пытались их адаптировать под современные им реалии. Джон Драйден в «Рассуждении о происхождении и развитии сатиры» предполагает, что существует три метода перевода: метафраза, парафраза и имитация. Последнюю он определяет следующим образом: «Переводчик (если его еще можно так назвать) берет на себя смелость не только изменять слова и смысл, но и отступать от них, когда есть подобающая причина. Взяв лишь общие намеки из оригинала, он переделывает переводимую работу так, как ему нравится» [цит. по: 4, с. 292]. «Аллюзия на Горация» – это сатира-имитация: автор использовал оригинал Горация, в котором древнегреческий писатель критиковал своего предшественника, с целью высмеять личность и творчество современника поэта-либертина.

В «Аллюзии на Горация» Рочестер критиковал Драйдена за несдержанность в словах, за попытку снискать всеобщее расположение, за брюзгливость и тупоумие. Однако, не любя Драйдена лично как человека, Рочестер признавал в нем талантливого поэта [14, р. 298].

Анализируя сатиру, Пэт Роджерс приводит мнения Дастина Гриффина, Дэвида Фарли-Хиллза и Говарда Уэйнброта. Фарли-Хиллз считает, что Рочестер использует стихотворение Горация, чтобы представить Драйдена в невыгодном свете. Гриффин и Уэйнброт приходят к выводу, что «Гораций вызывает нашу симпатию, потому что является хорошим писателем; Рочестер – потому, что не является плохим» [12, р. 166]. Критики сходятся во мнении, что стихотворения древнеримского и английского стихотворцев схожи тематически.

Сатира Рочестера является одним из наиболее точных и изящных переложений классиков [6, с. 43]. Поэт представляет свой собственный эквивалент древнеримского претекста. Чтобы в полной мере оценить новое, читателю следует постоянно соотносить его с оригиналом. Имитация – это самостоятельное произведение, однако оно в большей степени выполняет свою функцию при условии взаимодействия с предшествующим текстом, будучи схожим и контрастируя с ним [11, р. 11-12].

Произведение Рочестера тематически и структурно схоже с сатирой древнеримского поэта. Это единственное стихотворение Рочестера, которое можно анализировать, построчно сравнивая с оригиналом. Однако, сохраняя множественные связи с сатирой Горация, вариант Рочестера отличается от него и по форме (так как содержит куски текста, не присутствующие у древнегреческого поэта), и по содержанию (так как объектом критики выступает творчество современника и литературного противника). Характерно уже то, что Рочестер предметом своей сатиры избирает сочинения современника, а не предшественника [6, с. 43].

Соглашаясь с выводами анализа, проведенного Пэтом Роджерсом, следует отметить, что критик ограничился лишь анализом структуры двух сатир и анализом объектов критики. На наш взгляд, исследование будет выглядеть более глубоким при условии анализа произведений с точки зрения автора на писателей-современников и рассмотрения биографических источников, необходимых для лучшего понимания подтекстов, скрытых в сатире поэта-либертина эпохи Реставрации.

Рочестер начинает сатиру с видимого примирения с Драйденом:

WELL Sir, 'tis granted, I said *D[ryderis]* Rhimes,
Were stoln, unequal, nay, dull many times:
What foolish *Patron*, is there found of his,
So blindly partial, to deny me this?
But that his *Plays*, embroider'd up and down,
With *Wit* and *Learning*, justly pleas'd the *Town*,
In the same *Paper*, I as freely own [7, p. 95].

Да, я сказал, что Драйденовский слог
Неровен, неритмичен и убог.
Чтоб отрицать всё это постоянно?
И так ли слеп его заступник странный,
Согласен, остроумием своим
По нраву пьесы Драйдена другим –
И мной в стихах отдельных он хвалим [2].

Анализируя строку «What foolish Patron, is there found of his, So blindly partial, to deny me this?», Пэт Роджерс приводит определение из словаря английского языка XVIII века, составленного Сэмюэлем Джонсоном. В нем подчеркивается, что «патрон» – это не просто человек, который поддерживает кого-либо, в данном случае писателя, но и «негодяй, который поддерживает других с оскорбительным высокомерием, а услуги его оплачиваются лезть» [Цит. по: 12, р. 168]. Возможно, данное меткое определение объясняет неприязнь, которую испытывал Рочестер по отношению к Малгрейву. Как было сказано выше, Рочестер и Малгрейв были давними соперниками: оба – в фаворе у короля, успешны в карьере и в творчестве. Поэты критиковали стиль жизни и стиль письма друг друга. Вражда не ограничилась словесной перепалкой во взаимных сатирах и эпитаграммах. Дело дошло даже до дуэли, закончившейся скандалом. Поэтому поэт-либертин открыто начинает свою сатиру с неслестных эпитетов в адрес покровителя-соперника и его протеже, которого автор презирает за измену.

«Переключка с Горацием начинается с первых же строк сатиры Рочестера, в которых имеются и параллели с оригиналом, и отклонения от него. В первых восьми строках оба поэта неодобрительно оценивают стихи своих оппонентов, в то же время признавая за ними определённые достоинства... По мнению Рочестера, народная популярность, потворство вкусам толпы не может являться для поэта достоинством. Сомнительность комплимента подтверждается и словами, которые выбирает поэт («embroidered up and down / With Wit and Learning» (строки 5-6))» [6, с. 44]. Как и большинство либертинов, Рочестер основным критерием истинности считал чувства человека и эмпирический способ познания. Зная критическое отношение поэта к роли разума в жизни человека, можно предположить особенную ироничность, заключенную в выше упомянутых строках.

Подобно Горацию, критикующему Луцилия, Рочестер критикует Драйдена за то, что он непоследователен по отношению к собственным взглядам [10, р. 104]:

Yet having this allow'd, the heavy *Mass*,
That Stuffs up his loose *Volumns*, must not pass:
For by that Rule, I might as well admit;
Crowns, tedious *Scenes*, for *Poetry* and *Wit* [7, p. 95].

Но, вознося весь груз его словесный –
Бескрайний, буйный и тяжеловесный,
Могу я также за тупой сюжет
Признать, что Кроун – умник и поэт [2].

Выступавший за строгость «классического» стиля и критиковавший представителей Ренессанса за несохранение трех единств, сам Драйден оставлял за собой право на смешение стилей. Поэт мотивировал это тем, что работа, написанная в соответствии со всеми канонами, не будет интересна его современникам. Эту противоречивость и критикует Рочестер, попутно выражая свое недовольство манерой письма бывшего протеже.

В строке № 25 «Your *Rethorick* with your *Poetry* unite» («Риторика с Поэзией дружна»), которая вдохновлена произведением Горация (в частности, строкой «modo rhetoric atque poetae»), Рочестер подчеркивает творческое и стимулирующее начало риторики [12, р. 170].

Кроме того, «Аллюзия на Горация» ставит будущего поэта лауреата Шедуэлла в один ряд с Учирли, как одного из истинных авторов комедии эпохи Реставрации, хвалит его естественность и мастерство и в то же время критикует Драйдена за плагиат, незавершенность работ и попытку прослыть остроумцем. Допуская присутствие отдельных проблесков остроумия и учености в изданных сочинениях, он говорит, что они странно согласовываются с тусклой личностью автора. По мнению Рочестера, этот человек является «раритетом, который также трудно обнаружить, как свинью, играющую на скрипке или поющую сову» [Цит. по: 4, с. 251].

Рэмен Селден в статье «Рочестер и Шедуэлл» высказывает мнение, что сатира Рочестера содержит неприкрытую похвалу Шедуэллу. Она расположена в той части, где Гораций превозносит своего современника, писателя комедий Фандания:

Ты лишь один из живущих поэтов, Фунданий! столь мило
 Можешь прелестниц заставить болтать, сколь искусно представить
 Дава, который морочит бедного старца Хремета!
 Но Поллион воспеваает царей, но пламенный Варий
 Равных не знает себе в эпопее, а сельские Музы
 Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар ниспослали [1].

Однако эпизод в сатире поэта-либертина (строки 44-49) не является заимствованным из Горация.

*Shadwells unfinished'd works, do yet impart,
 Great proofs of force of Nature, none of Art;
 With just bold strokes he dashes here, and there,
 Shewing great Mastery with little Care;
 And scorns to varnish his good Touches o're,
 To make the Fools, and Women, praise 'em more* [7, p. 96].

В незавершённых Шедвелла трудах
 Искусства нет – природы мощный взмах.
 Заслужены им смелые метанья:
 Изрядно мастерство, но нет старанья,
 Не хочет он манеру улучшать,
 Чтоб женщин и оболтусов прельщать [2].

Рочестер, с одной стороны, отказывает Шедуэллу в психологизме и особо тщательном отношении к выбору формы. С другой стороны, поэт-вольнодумец подчеркивает, что Шедуэллу достаточно способностей, чтобы удовлетворить вкусы публики [13, p. 178-179].

Кроме того, отношение Рочестера к Шедуэллу было благосклоннее, чем к Драйдену. Во-первых, это связано с творчеством самого Шедуэлла. Рочестеру импонировала его манера письма. Данный эпизод можно интерпретировать с разных точек зрения. С одной стороны, незавершенность работ Шедуэлла является недостатком, так как лишает их глубокого понимания человеческой природы и поведения. Тем не менее Рочестер презрительно отзывается о приверженцах точности. С другой стороны, незавершенность работ не идет в сравнение с абсолютной смелостью Шедуэлла в изображении человеческой природы. По мнению Рочестера, только глупец может требовать дополнительной эlegantности. Использование Рочестером Горация в качестве модели подчеркивает его отклонение от общепринятого направления мысли по отношению к литературе. 10-я сатира, как и другие «программные» сатиры, подчеркивает артистические ограничения Луцилия и особенно отсутствие точности, свойственной классическому стилю. Гораций сосредотачивается на причинах, которые не дают его стихам быть «более завершенными и более плавно литься» [Ibidem, p. 179]. Важно отметить, что Рочестер не только пропускает данные строки в своей критике Драйдена, но и прощает Шедуэлла за незавершенность работы, что опять-таки не находит эквивалента в латинском оригинале.

Во-вторых, Шедуэлл был давним соперником Драйдена. Поэты многие годы находились в острой полемике. Это и явилось основной причиной включения поэтом-либертином эпизода похвалы таланту Шедуэлла в свою сатиру. Например, отрывок из предисловия к «Угрюмым любовникам» переключается с тем, что Рочестер написал в «Аллюзии на Горация»: «Look upon it, as it really was, wrote in haste by a Young Writer, and you will easily pardon it... Nor can you expect a very Correct Play, under a Years pains at least, from the Wittiest Man of the Nation... Men of Quality, that write for their pleasure, will not trouble themselves with exactness in their Playes; and those, that write for profit, would find too little encouragement for so much paines as a correct Play could require» [Цит. по: Ibidem, p. 181]. / «*Рассматривайте эту пьесу, как она и была, написанной в спешке молодым писателем, и вы с легкостью смилостивитесь над ней... Кроме того, вы не можете ожидать Правильной пьесы, для этого необходимы, по крайней мере, годы боли, самый остроумный человек нации... знатные люди, которые пишут для удовольствия, беспокоятся о правильности своих пьес, а те, кто пишет ради выгоды, будут слишком скупо поощрены за испытанную боль, которую может потребовать правильная пьеса»* (перевод автора – А. Т.). Шедуэлл казался либертину, который был знаменит написанием экс-промтов и памфлетов, более естественным, чем его оппонент Драйден [Ibidem, p. 182].

В строках поэта-остроумца «Till the poor vanquish't Maid dissolves away, / In Dreams all Night, in Sighs, and Tears all day» / «Пока им покорённая девица / Всю ночь в мечтах, весь день в слезах казнится» (строки 69-70) Пэт Роджерс усматривает хиазм, характерный для неоклассического периода английского искусства. Данный прием, по мнению критика, делает вариант Рочестера особенно выразительным [12, p. 172]. Тот факт, что автор ставит ночь перед днем при описании чувств молодой девушки, расставляет приоритеты поэта-либертина особенно точно.

В 70-х строках стихотворения поэт играет с повседневными фразами, вставляя в них непристойные словечки. И это дополняет критику Драйдена, подчеркивая несостоятельность его остроумия [Ibidem, p. 172-173]. Например, в следующих строках есть несколько нападок на поэта-лауреата:

*D[ryden], in vain try'd this nice way of wit,
 For he to be a tearing Blade, though fit,
 But when he wou'd be sharp; he still was blunt,
 To frisk his frollique fancy, he'd cry C**t,
 Wou'd give the Ladies, a dry Bawdy bob,
 And thus he got the name of Poet Squab* [7, p. 97].

Пытался Драйден стать и остряком,
 Считал себя неистовым клинком,
 Но все его остроты туповаты,
 Кричать «пи-да» – «конёк» его завзятый:
 Для дам он непристойный, но холодный,
 Поэт-птенец, беспёрый и бесплодный [2].

Во-первых, по сравнению с Седли, который был описан до этого как мужчина «with a resistless charm», Драйден охарактеризован в первой строке цитаты, как не преуспевающий в амурных делах человек. Кроме того, «a dry *Bawdy* bob» – это отсылка на Драйбоба, персонажа комедии «Юморист» Шедуэлла. Драйбоб же, в свою очередь, являлся сатирой на Драйдена. А в цитате Рочестера этот «персонаж» приобретает еще и достаточно грубую характеристику [13, p. 182].

Далее Гораций, а вслед за ним Рочестер продолжают свои произведения, рассматривая комический талант оппонентов и замечая, что одного этого явно недостаточно. Мастерство стиха на угоду толпе ничего не стоит без содержательной стороны, которую и критикуют в своих сатирах Гораций и Рочестер.

В обоих произведениях присутствуют общие символы, например лавр. Рочестер иронически хвалит Драйдена и нападает с критикой, исключает его из разряда хороших драматургов, демонстрирует, что он невыразителен в «любовной» лирике. Поэтому читатель может усомниться и в искренности похвалы в адрес Драйдена:

But to be just, 'twill to his praise he found,
His *Excellencies* more than faults abound,
Nor dare I from his sacred Temples tear
That *Lawrel*, which he best deserves to wear [7, p. 97].

Но я готов и похвалить его:
Огрехи затмевает мастерство;
С его священных храмов не настроен
Сорвать я лавр, что он носить достоин [2].

Если для Рочестера это замечание может быть интерпретировано как личная, отчасти автобиографичная, однако всего лишь фигура речи, для Горация оно еще имело дух соперничества с Луцилием («...Славы великой венца я с его головы не срываю! Я одно лишь сказал: что он льется как мутный источник, Но что больше достойного памяти в нем, чем забвенья!» [1]) [12, p. 173-174].

В строке 30, начиная критическую оценку творчества современных ему драматургов, Рочестер упоминает Шекспира и Джонсона. Однако Уилмот не просто подчеркивает, что данные авторы могли бы послужить образцом и мерилем таланта. Как замечает Е. А. Сгибнева, «эти сроки отсылают нас к упоминанию Шекспира и Джонсона в связи с их критикой Драйденом, о которой Рочестер пишет в отрывке, начинающемся 81-й строкой:

...But does not *D[ryden]* find ev'n *Johnson* dull?
Fletcher and *Beaumont*, uncorrect and full,
O<f> lewd *Lines* as he calls 'em? *Shakespears* stile
Stiff and affected; to his own the while,
Allowing all the justness, that his *Pride*
So *Arrogantly* had to these deny'd [7, p. 97]?

Но не считал ли он, что Джонсон сер,
Бомонт и Флетчер – промахов пример,
А их стихи вульгарны, стиль Шекспира
Ходульный, показной; свою же лиру
Столь правильной найдя, что им надменно
Отказывал он в этом неизменно [2]?

Восхваляя поэтов, которых Драйден критикует, в том месте, которому в оригинале соответствует строка о славе, Рочестер усиливает сатирический эффект, начиная «срывать лавры» с Драйдена задолго до того, как читатель дойдет до вербализации этого намерения» [6, с. 45].

В 93 строке («Five hundred Verses ev'ry *Morning* writ») («Хоть в день строчите Вы пятьсот стихов») Рочестер опять делает отсылку на Горация, который поделил свое произведение на две части: до и после обеда.

В строке 111 Рочестер вводит образ Бетти Морис, которая олицетворяет светскую жизнь современного Рочестеру общества (I've no *Ambition* on that idle score, / But say with *Betty M[orice]*, heretofore, / When a *Court Lady* call'd her *B[uckley's]* *Whore*; / I please one *Man* of *Wit*, am proud on't too, / Let all the *Coxcombs* dance to *Bed* to you [7, p. 98] / Тщеславья нет во мне на том спектакле, / Скажу лишь с Бетти Моррис я (не так ли / Её назвала леди – «шлюхой Бакли»): / Я умнику старалась угождать, / Зато хлыщи бегут к тебе в кровать [2]). Гораций более осторожен и метафоричен («Так Арбускула танцовщица раз, как ее освистали, Очень умно говорила: что, зрителей всех презирая, Рукоплесканий она от одних благородных желала» [1]). Это один из моментов, в которых Рочестер пользуется насмешкой и анекдотом, а не риторикой [12, p. 175].

Одним из главных отличий двух произведений является концовка. В сатире Рочестера мы не находим финального обращения и прощания, которые есть у Горация. По мнению критиков, концовка произведения либертина сильнее, интеллектуальнее и более «звучная». Как и Гораций, Рочестер перечисляет тех, кого считает своими единомышленниками:

I loath the *Rabble*, 'tis enough for me,
If *S[edley]* *S[hadwell]*, *S[heppard]*, *W[icherley]*
G[odolphin], *B[utler]*, *B[uckhurst]*> *Buckingham*,
And some few more, whom I omit to name,
Approve my sense, I count their *censure* *Fame* [7, p. 98].

Противна чернь, одобрить бы смогли
Коль Сидли, Шедвелл, Шеферд, Уичерли,
Голодьфин, Батлер, Бакхёрст, Бэкингам,
И кто не назван, суть моих поэм,
Оценка их – мне слава, насовсем [2].

Он завершает свою сатиру одой друзьям-либертинам, которых несколькими строками выше критиковал. Таким образом, Рочестер нарушает каноны, принятые в эпоху неоклассического периода английского искусства.

Анализируя творчество поэта-либертина в целом и данную сатиру в частности, литературные критики приходят к общему выводу о том, что помимо общности темы произведения Горация и Рочестера роднят еще некоторые аспекты. Так, Е. А. Сгибнева вслед за П. Роджерсом отмечает, что «та часть “Аллозии” (строки 81-92), в которой Рочестер критикует взгляды Драйдена, выраженные в эссе “О драматической поэзии прошедших веков”, звучит “гораздо острее”, если принять во внимание, что в этом эссе Драйден неоднократно ссылается на сатиру Горация 1:10. Рочестер образует сложную систему связей между своим произведением, сатирой римского поэта и критикуемыми работами Драйдена» [6, с. 44].

Будучи поэтами-современниками, Рочестер и Драйден, однако, были сторонниками разных точек зрения на эпоху, представителями которой они являлись. «Драйден выражал героические порывы века, Рочестер – антигероические. Драйден высшим делом жизни считал создание героической поэмы, Рочестер, хотя и разделял ностальгию своих современников по героическому, считал истинным выражением духа века травести и бурлеск» [4, с. 252].

В «Аллюзии на Горация» Рочестер высмеял творчество и вкусы современника. Как было сказано выше, в предисловии к трагедии «Все за любовь» Драйден отвечает бывшему покровителю. В числе прочего «объектом нападок Драйдена становятся персонажи пьес французских драматургов, в частности Расина. В рассуждении об Ипполите Расина вновь звучит тонко скрытая атака на Рочестера, получившего образование во Франции и бывшего сторонником французских обычаев» [5, с. 194].

Драйден в предисловии к пьесе «Все за любовь» завуалированно намекал на Рочестера. Он замечает: «With what scorn would he look down on such miserable translators, who make doggerel of his Latin, mistake his meaning, misapply his censures, and often contradict their own?» [8]. / «С каким же презрением он бы смотрел на подобных жалких переводчиков, которые создают скверные стихи из его латыни, неправильно интерпретируют значения его стихов, ошибаются в его критической оценке и часто противоречат сами себе?» (перевод автора – А. Т.). По мнению Драйдена, писатели, подобные Рочестеру, являются посредственными поэтами. Также мы можем судить о реакции английского поэта и критика на сатиру своего бывшего покровителя в следующей цитате из предисловия: «But he [Horace] would never allowed him [Rochester] to have called as slow man hasty, or a hasty writer as slow drudge» [Ibidem]. / «Но он [Гораций] никогда бы не позволил ему [Рочестеру] назвать размеренного человека восторженным, а стремительного писателя – медлительным ишаком» (перевод автора – А. Т.).

Конфликт двух ведущих поэтов эпохи очевиден. Драйден задевает Рочестера, обучавшегося во Франции, еще и тем, что критикует его за подражание французским образцам. И особенно отчетливо ощущается желание Драйдена противопоставить себя, истинного поэта и критика, Рочестеру: «But while they are so eager to destroy the fame of others, their ambition is manifest in their concernment; some poem of their own is to be produced, and the slaves are to be laid flat with their faces on the ground, that the monarch may appear in the greater majesty» [Ibidem] / «Но пока они так жаждут разрушить славу других, их амбиции проявляются в их отношении; они планируют представить некоторые из их собственных стихотворений публике и предполагают, что рабы будут полностью разгромлены, так как монарх предстанет во всем его величии» (перевод автора – А. Т.). Если истинные поэты оказываются неспособными написать что-то стоящее, они голодают. Но если они преуспевают, то находят богатые «тираны», которые пишут злую сатиру с целью показать поэту его истинное место [9, р. 276].

В заключение отметим, что «Аллюзия на Горация» Рочестера является таким же самостоятельным произведением, каким в свое время являлась сатира древнеримского поэта. Сатира как жанр занимала в творчестве поэта-либертина одно из центральных мест. Каждая из основных сатир Рочестера является одновременно критикой современной ему жизни и до определенной степени «имитацией» или воссозданием работ древних или современных писателю стихотворений. Однако следует еще раз отметить, что «Аллюзия на Горация» – единственная имитация, которая может быть напечатана параллельно с оригиналом почти строка в строку.

Взяв за основу структуру стихотворения предшественника, поэт-либертин полемизирует с соперником, дает довольно емкие комментарии по поводу творчества Драйдена и некоторых других современных ему писателей. Это помогает нам полнее представить взаимоотношения между ведущими представителями эпохи Реставрации, повлиявшими на дальнейшее развитие британской литературы. Традиции Рочестера представлены в творчестве Поупа, Байрона и других писателей, что делает изучение его наследия особенно значимым.

Список литературы

1. **Квинт Гораций Флакк.** Сатиры [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor1_4.txt (дата обращения: 18.02.2015).
2. **Лукьянов А.** Джон Уилмот, граф Рочестер (1647-1680). Аллюзия к 10-й сатире Горация из 1-й Книги *Nempe in composito dixi &c* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=98404> (дата обращения: 18.03.2015).
3. **Поэтика:** словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагинной; *Intrada*, 2008. 358 с.
4. **Решетов В. Г.** История английской литературы: эпоха Возрождения – XVII век: учебное пособие / Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2006. 323 с.
5. **Решетов В. Г.** Полемика с Рочестером в предисловии Драйдена к трагедии «Все за любовь» // XVII Пуришевские чтения: «Путешествовать – значит жить» (Х. К. Андерсен). Концепт странствия в мировой литературе: сборник материалов международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Х. К. Андерсена (4-8 апреля 2005 года) / отв. ред. М. И. Никола, отв. ред. выпуска А. В. Коровин. М.: МПГУ, 2005. С. 193-194.
6. **Сгибнева Е. А.** Своеобразие сатиры Джона Уилмота, графа Рочестера, «Аллюзия на Горация» // Актуальные проблемы современной филологии. Литературоведение и лингвистика: научные статьи и тезисы докл. студ. и аспирантов фак. рус. филол. и нац. культ. / отв. ред. В. А. Чапышкин; Ряз. гос. пед. ун-т. Рязань, 2005. С. 43-46.
7. **An Allusion to Horace. The 10th Satyr of the 1st Book** // Poems by John Wilmot, earl of Rochester / ed. by V. de Sola Pinto. L.: Routledge & Kegan Paul, 1953. P. 95-98.
8. **Dryden J.** Preface to «All for Love» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bartleby.com/18/1/1003.html> (дата обращения: 18.02.2015).
9. **Huntley F. L.** Dryden, Rochester, and the Eighth Satire of Juvenal // *Philological Quarterly*. Iowa, 1939. Vol. XVIII. № 3. P. 269-284.
10. **Paulson R.** Rochester: The Body Politic and the Body Private // *The Author in His Work*. L., 1978. P. 103-121.
11. **Righter A.** John Wilmot, earl of Rochester // *Critical Essays* / ed. by D. M. Vieth. N. Y. – L.: Garland Publishing, 1988. P. 1-26.
12. **Rogers P.** An Allusion to Horace // *Spirit of Wit. Reconsideration of Rochester* / ed. by J. Treglown. Oxford, 1982. P. 166-176.
13. **Selden R.** Rochester and Shadwell // *Spirit of Wit. Reconsideration of Rochester* / ed. by J. Treglown. Oxford, 1982. P. 177-190.
14. **Wilson J. H.** Rochester, Dryden and the Rose-Street Affair // *The Review of English Studies*. 1939. Vol. 15. № 59. P. 294-301.

**“TO BE SURE I DID SAY, THAT THE VERSES OF LUCILIUS DID NOT RUN SMOOTHLY”:
“AN ALLUSION TO HORACE” BY ROCHESTER**

Titova Anna Vladimirovna

*Ryazan State University named for S. A. Yesenin
ttvanna@rambler.ru*

The article is devoted to the analysis of one of the satires of the English poet-libertine John Rochester. A number of literary and biographical allusions which found expression in the poem are presented. The author draws a parallel between “An allusion to Horace” by Rochester and the 10th satire of the first book of Satires by Horace in order to identify the similarities and differences in the structure and subjects of the works. Besides, the analysis of the relationship between John Rochester, John Dryden and Thomas Shadwell allows revealing the peculiarities of the object of criticism given by the poet-libertine in the poem better. This research also allows providing a more complete presentation of personal and literary debates of the second half of the XVII century which influenced the further development of the British culture.

Key words and phrases: allusion; the Age of Restoration; libertinism; John Rochester; John Dryden; Quintus Horatius Flaccus; Thomas Shadwell.

УДК 81

Филологические науки

Статья посвящена исследованию теоретических работ, посвященных грамматической категории числа в тюркологии. Вопрос изучения категории числа тесно связан с историей изучения тюркских языков. Анализ трудов известных классических и современных тюркологов по данной проблеме позволяет глубже определить грамматическую сущность, семантику и стилистические потенции категории числа, раскрыть ее функциональные возможности в тюркских языках, что служит основой для более глубокого изучения этого вопроса в татарском языке.

Ключевые слова и фразы: грамматическая категория; категория числа; тюркология; показатель множественности; аффикс -лар; алломорфы; собирательная множественность; многозначность; многофункциональность.

Фаттахова Рузиля Фердависовна, к. филол. н., доцент
*Казанский (Приволжский) федеральный университет
faruzilya@mail.ru*

**ВОПРОС О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА
В ТЮРКОЛОГИИ И ВКЛАД Н. К. ДМИТРИЕВА В ЕЁ ИЗУЧЕНИЕ[©]**

Проблема грамматической категории остается наиболее спорной и противоречивой в теоретической грамматике. В трудах последователей сравнительно-исторического языкознания грамматические формы родственных языков исследовались с точки зрения их происхождения и исторического развития [8, с. 117].

Грамматическую категорию числа также можно отнести к разряду актуальнейших вопросов теоретической грамматики тюркских языков. Причиной тому является обилие работ по этой проблеме, накопившихся в течение многих десятилетий, и все они носят дискуссионный характер. Анализ существующих разработок данной грамматической категории показывает, что общим для них является положение, согласно которому она представлена двумя формами: формой множественного числа, образуемой с помощью показателя *-лар*, и противопоставляемой ей формой без этого показателя, которая рассматривается как форма единственного числа и часто как форма с нулевым показателем. Далее детально описываются значения каждой из этих форм и делаются попытки обнаружить взаимную противопоставленность их семантики. Спорными являются различные интерпретации абсолютной формы имени существительного и вопрос о том, имеет ли аффикс *-лар*, присоединяемый к конкретным именам, лишь одно значение – обозначает формально неуточненное множество или же два значения, противопоставленные двум значениям, так называемой формы единственного числа. До сих пор не установлена грамматическая сущность показателей собирательной множественности в древнетюркских языках, следы которых обнаруживаются и в современных языках. Спорным, в конечном счете, остается вопрос о наличии категории числа в тюркских языках.

Первое сопоставительное описание многих явлений лексики, фонетики, словообразования и грамматики тюркских языков представлено в энциклопедическом труде Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк», который написан во II половине XI в. на арабском языке для изучения арабами тюркского языка со всеми его диалектами. Здесь впервые была высказана научная мысль о том, что главным морфологическим средством выражения множественного числа в тюркских языках является *-лар* [5, с. 140].

Некоторые замечания о категории числа встречаются в книге Ибн-Муханны «Китаби тарджумани фарси ва турки ва моголи» (Книга – переводы с персидского, тюркского и монгольского), написанной в качестве учебника для изучения арабами и арабоязычными персидского, тюркского и монгольского языков в начале XIV в. Здесь содержится специальный раздел о формах числа (единственного и множественного), указываются